

ЗАКЛЮЧЕНИЕ :

ОГЛЯНИСЬ БЕЗ ГНЕВА

История не знает сослагательного наклонения. Но велико искушение хотя бы мысленно переиграть уже сыгранный исторический спектакль, а человек слаб. Потому и появляются бесчисленные версии того, что могло бы быть, если бы... Как сложилась бы новейшая история России, если бы ей дано было прожить двадцатый век заново?

Могла ли Россия по-прежнему оставаться Россией серпа — аграрной, сельской, крестьянской? Едва ли. Ее превращение в промышленную и городскую к началу века уже назрело, было подготовлено всей послепетровской историей, его же требовали и тогдашние европейские и мировые реальности — и экономические, и культурные, и военные. Это превращение и было главной революцией, которую предстояло пережить России и которую она в действительности пережила в XX столетии.

Могла ли такая революция, по смыслу своему, пускавшая под нож вековой уклад российской жизни, разрушавшая его устои, выводящая из исторической игры целые общественные слои, — могла ли она быть безболезненной, бескровной? Едва ли. Российское общество подошло к 1917 году, к пику революции, расколотым надвое: одна его часть была готова к штурму старого мира, другая — к его защите. Старая Россия стоила бы немногого, если бы, подойдя к порогу неизбежных перемен, она не создала сил, способных осуществить эти перемены, не выдвинула годных для этого людей, не породила нужных идей. Но и в том случае, если бы в критическую минуту у старого мира России не нашлось стойких и убежденных защитников, цена ей тоже была бы невелика.

Состав обоих лагерей постоянно менялся. В каждом из них были люди, готовые идти до мыслимого и даже немислимого конца, равно как те, кто не мог шагнуть дальше того или иного предела и, достигнув его, выходил из игры или переходил в противоположный лагерь. Но сами лагеря, группировавшиеся вокруг полюсов расколотого мира, неизменно сохранялись, и у каждого была своя правда. При том, что историческая правда была на стороне поборников нового, их правда была глубокой лишь до тех пор, пока она могла сосуществовать с глубокой же правдой их консервативных противников. Стоило этой взаимной дополнительности нарушиться и одной из двух правд потерять право на существование, как и вторая лишилась своей глубины и превратилась в набор непродуктивных банальностей.

Потому и в Гражданской войне, где сторонники обеих правд сошлись с оружием в руках, не могло быть победителей. Внешний факт победы красных над белыми ничего не решал — когда воодушевленные победой красные остались наедине со своей правдой, у них в руках оказалась лишь ее дешевая оболочка. Но победы в Гражданской войне белые, с ними произошло бы то же самое. Военная победа одной из сторон не могла изменить соотношения глубинных общественных сил, которые одни только и определяют ход истории.

События 1917 года преобразили Россию необратимо, они разрушили все нагромодившиеся к тому времени препоны модернизации и сделали ее ускорение неизбежным. Но одно дело убрать препятствия, а другое — увеличить напор перемен: этого за один год не сделаешь. Большевики были полны готовности ускорить обновление России, подстегнуть «клячу историю», но им очень скоро пришлось притормаживать, приводя ритм и глубину преобразований в соответствие с истинными возможностями страны и ее народа. «Левой! Левой!» — призывал Маяковский в духе первых революционных лет, а в жизни все громче слышалось: «Правой! Правой!» В конце концов коммунисты в России стали носителями правой идеологии, так они воспринимались критиками режима накануне распада СССР, и то, что впоследствии они стали рассматриваться как представители «левой оппозиции», никак не оправдывается глубоко консервативной — к тому времени — сущностью их идеологии и политики.

Но если предположить, что восемьдесят лет назад события повернулись бы по-иному и какой-нибудь антипод Маяковского написал бы «Правый марш» с призывом распрячь «клячу историю» и вернуться к закону, «данному Адамом и Евой», то он тоже наверняка был бы разочарован. Окажись у власти в России открытые защитники прошлого и противники перемен, они быстро расправились бы с носителями слишком революционных идей в политике, экономике или культуре (в основном с теми же, с кем и расправились большевики сталинского разлива), а затем начали бы «леветь», втягиваясь в столь необходимую России модернизацию и, в конце концов, пришли бы, — двигаясь с другой стороны, — к тому же консервативно-модернизационному компромиссу. Внешний рисунок российской истории XX века был бы иным, но лишь в деталях. При всей невероятности масштабов долговременного «красного террора», нельзя поручиться, что «белый террор» был бы более умеренным. Предреволюционный раскол общества был очень глубоким, белым победителям пришлось бы опираться на те же социальные слои, на которые опирались и красные, а параноики были не только у большевиков.

Глубинные же экономические и социальные перемены оказались бы, скорее всего, очень сходными с теми, что и имели место на самом деле. Россия могла продвинуться по пути модернизации немного больше или немного меньше. Зная условия старта в начале столетия, при самом большом разгуле фантазии, трудно представить себе Россию конца XX века опередившей США или Западную Европу по уровню развития промышленности, науки или либеральных институтов. Возможно было лишь сокращение разрыва, оно и произошло.

«Условия старта», а не чьи-то недомыслие или злая воля предопределили глубокую противоречивость советского варианта «консервативной модернизации». Она позволила СССР воспринять, а отчасти даже и развить многие инструментальные достижения западных обществ (современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и пр.), но не смогла создать адекватных социальных механизмов их саморазвития (рыночной экономики, современной социальной структуры, современных институтов гражданского общества, политической демократии и т. д.).

Экономическая модернизация превратила страну из аграрной в индустриальную, дала ей основные элементы современной технологической цивилизации. Но она не создала социальных механизмов, обеспечивающих саморазвитие экономической системы промышленных обществ, — частной собственности и рынка.

Городская модернизация переместила десятки миллионов людей из деревни в город, изменила условия их повседневного социального общения и подчинила его технологии городской жизни. Но она не создала носителей специфических городских отношений — средних городских слоев, способных самостоятельно поддерживать и развивать социальную организацию и культуру городского общества.

Демографическая модернизация изменила условия воспроизводства человеческого рода, а потому и условия частной, интимной жизни людей. Но и она осталась незавершенной, ибо развивалась в обстановке, которая противоречила главному принципу демографической модернизации, — принципу свободы индивидуального выбора во всем, что касается личной жизни человека.

Культурная модернизация обеспечила стремительный рост образования, приобщение к современным техническим и научным знаниям, другие инструментальные изменения, без которых невозможно становление современного типа культуры, а значит и типа личности. Но она не привела к вытеснению средневековой холистской культурной парадигмы современной индивидуалистской, породила Homo soveticus — промежуточный тип личности, сочетающий в себе черты современности и традиционной «сборности».

Политическая модернизация открыла новые каналы вертикальной социальной мобильности, притом впервые — для большинства народа и привела к власти новую, демократическую по своему происхождению, политическую элиту. Но она не создала демократических механизмов ее функционирования и обновления. Новая элита осталась «статусной», зависящей только от вышестоящего уровня, и быстро переродилась. Это привело к утверждению политического режима «нового средневековья», принявшего в XX веке форму тоталитаризма.

Какую бы составную часть осуществленных перемен мы ни взяли, в каждом случае, после короткого периода успехов модернизационные инструментальные цели вступали в непреодолимое противоречие с консервативными социальными средствами, дальнейшие прогрессивные изменения оказывались блокированными, модернизация оставалась незавершенной, заходила в тупик. В конечном счете, это привело к кризису системы и потребовало ее полного реформирования.

И без того глубокий системный кризис был усугублен огромной территориальной неоднородностью СССР.

Советская модель модернизации, ядро которой составляла ускоренная индустриализация с особым упором на развитие тяжелой промышленности, сложилась в XX веке, но имела корни и в прошлом. Само стремление к модернизации, равно как и способы достижения этой цели были во многом продиктованы ролью царской или советской империи как мировой великой державы. Эта роль была лучше понята населению восточнославянской метрополии, до известной степени отвечала его устремлениям и историческому опыту, поэтому оно с большей готовностью приняло и советскую модель модернизации. Но полуколониальными окраинами империи эта модель воспринималась с трудом. Хотя по отношению к большинству из них империя выполняла цивилизаторскую, модернизаторскую миссию, ее цивилизаторские возможности были ограничены. Поэтому «пять модернизаций», которые прокладывали себе дорогу во всех частях империи, на ее окраинах были еще более «консервативными», нежели в центре. Незавершенность модернизации, зашедшей в тупик повсюду в СССР, была особенно велика на его среднеазиатской или кавказской периферии, как и в некоторых внутренних «национальных» районах.

Хотя требования имперского существования сыграли огромную роль в подстегивании советской модернизации, именно модернизация, в конечном счете, привела к распаду империи. Она породила или усилила как центростремительные, так и центробежные силы, от соотношения которых зависела, в конечном счете, судьба империи. Консервативный характер советской модернизации ограничил возможности роста центростремительных сил и связанного с ними федерализма и, напротив, создал благоприятные предпосылки для укрепления центробежных сил, национализма и сепаратизма. Когда экономическая и политическая стратегия, вдохновляемая великодержавными амбициями, истожила СССР, он стал легкой добычей сепаратизма, которому слабый, фиктивный федерализм не смог ничего противопоставить.

Это стало лишь еще одним доказательством того, что к концу XX века возможности советской модели модернизации были полностью исчерпаны. Продолжение модернизации, которая ни в одной из частей бывшего СССР не была завершена, требовало смены модели и выработки такого курса развития, который позволил бы, с одной стороны, сохранить основные достижения «инструментальной» модернизации советского времени, а с другой — развить адекватные им, но не существовавшие в СССР социальные группы, социальные механизмы и институты, которые сделали бы постсоветские общества способными к саморазвитию.

Таковы задачи, с которыми сегодняшняя Россия выходит на новую линию старта. Дверь в новое столетие и в новое тысячелетие она открывает, стоя на плечах своего XX века, страшного, трагического, залитого кровью, но далеко не бессмысленного. По меньшей мере два главных результата столетнего развития навсегда отделили ее от ее собственного прошлого и перевели в разряд «развитых» стран, благодаря чему она — только теперь! — может на равных вступить в конкуренцию с любой другой страной мира.

Один из этих результатов — больше материальный, технологический, вообще связанный с преобладавшей «инструментальной» стороной советской модернизации. При всех своих огрехах, недочетах и отставаниях, нынешняя российская экономика, не в пример дореволюционной, обладает мощным промышленным, техническим, научным стартовым капиталом. Он позволяет войти в XXI век не с истерическим надрывом ничего, готового снять последнюю рубашку и с себя, и с ближнего, чтобы выжить, а со спокойным и трезвым расчетом собственника, пусть и не очень богатого, но способного потратиться чтобы честно приумножить нажитое. Само наличие такого исходного, стартового капитала ничего еще не гарантирует. Его легко можно разбазарить, пустить по ветру, просадить в военных играх. Но шанс он дает, а дальше — дело за отечественными Платонами да Невтонами, а может быть и за ненавистными Тит Титычами.

Второй результат — больше социальный. Структура общества стала иной, навсегда исчезла ставшая опасной поляризация дворянско-крестьянского мира, и начала заполняться социальная «середина». Пусть в России еще и нет настоящего среднего класса, но как «протокласс» он уже существует, и стабилизирующее влияние этого открытого социального слоя уже дает себя знать. «Раскачать» общество сегодня не так просто, новая гражданская война — едва ли возможна. Последняя надежда мечтающих о власти экстремистов всех окрасок — старая, начавшаяся в 1917 году, если не раньше, гражданская война, которую они никак не хотят закончить. До последнего своего вздоха ее поддерживала советская власть, непрестанно выискивая в собственном народе инакомыслящих, «контрреволюционеров», «агентов мирового империализма», отступников от официальной «социалистической» веры. Сегодня лозунги, риторику, а если повезет, то и политику давно отшумевших лет пытаются воскресить постсоветские попугаи из заново сформировавшихся «красного» и «белого» станом. Каждый новый поворот сегодняшней российской политики они прочитывают с помощью словаря конца десятих — начала двадцатых годов, картинно и каррикатурно группируясь вокруг могил Ленина и Николая II, но легко сходясь на тайном или явном поклонении Сталину, незаменимому идолу перманентной гражданской войны.

Только все это едва ли отвечает глубинным интересам все более многочисленной социальной середины. Было бы большим заблуждением делать *моральную* ставку на человека «среднего класса», видеть в этом человеческом типе венец социального творения, создавать очередную утопию, способную привести к новым разочарованиям. Масовое становление среднего класса поначалу может сопровождаться осознанием эгоистических индивидуальных интересов отдельно взятого «буржуа», а не общих, коллективных интересов всего этого слоя. В таких случаях появляется «готовность на все», склонность примыкать к любой политической стае и шагать по трупам во имя личной выгоды, продолжать, а не кончать гражданскую войну. На это открыто рассчитывают сегодняшние экстремисты, видящие себя во главе «молодых волков».

Но как бы им не ошибиться. Российский средний класс сегодня начинается не с нуля, шагание по трупам уже было, в обществе вырабатывается нечто, вроде иммунитета от повторного заболевания. В этом нет никакой мистики, а есть накапливающееся, подтвержденное собственным опытом, понимание того, что социальные джунгли, в которых

идет непрерывная открытая борьба всех против всех, для всех и опасны. В результате вырабатываются правила игры, которые вводят поиски собственной выгоды в некоторые признаваемые всеми рамки. С чем-то все равно приходится мириться, но сознание, что «ворюга милей, чем кровопийца» становится все более твердым.

Так что, если на что-то и можно делать ставку, говоря о будущем России, то на коллективный *интерес* среднего класса. Хотя снова нужно сказать, что расширение и укрепление средних слоев — это не безусловная гарантия скорого выхода России из дурной бесконечности противостояния полюсов расколотого общества, а только шанс, возможность, которой надо суметь распорядиться.